

Сновидение

На весь поселок Заветы Ильича, плененный Москвою, была одна продавщица - Люба. Стройная, элегантная, она скорее походила или на приличную вузовскую преподавательницу танцев, или на бывшего районного инструктора КПСС, а ныне - служащую преуспевающего кооператива. Те, где можно, брали, и эти, где можно, берут, только у посторонних зубы цакают...

Одевалась Люба по моде: без крика, но с должным вкусом и ценою - работа на виду. В поселке Заветы Ильича все давно привыкли к Любе, все давно знали: берет. С килограмма картошки - пятьдесят граммов. С килограмма сыра - пятьдесят семь граммов. Правда, сыра теперь нет - только в Армении... С килограмма коровьего масла - сорок четыре грамма. А сахар - тридцать, тридцать пять граммов. Сметана - четыре бутылки кефира на ведро: получается ничего, ешь и легонько вспоминаешь про кефир, а так - сметана, пожалуйста. Колбаса - редкость, потому с килограмма - до шестидесяти граммов берет.

Взгляд у Любы голубой, милый, но пристальный: сразу определит, насколько нагреть можно. Застенчивый взгляд и умный, не сю-сю, му-сю, а работа. Идет Любе голубое: голубая кофта, голубой халатик, улыбка голубая и - обсчитывай. Да за что ругать Любу? Она честная. Берет - напрямую. А не гнет свободные цены. Ведь теперь - купит подлец пиво по два рубля за штуку в магазине, а за углом - свободная цена: пять рублей, и рядом с ним уютный портретик Горбачева, тронь его, мерзавца, он возле Президента орудует!..

А Любе жить надо, молодая и муж молодой, здоровый такой полкан, жрет и себя уважает. Торчит из-за спины Любы, наблюдает: кто задерется - за воротник и долой. Очередь не задерживается, благодарна супругу Любы. Да у нас и убить разрешат в очереди, лишь бы двигаться вперед и вперед к прилавку. Одичали. И есть нечего. Лук, одинокий и горький, лежит - не покупают. И водки нет.

Люба улыбается - в голубом. Белозубая, верткая, смышленная, манит... И заходит старик. Сутулый, дряхлый, пегий, как вылинял: правая сторона головы - седая, а левая сторона - рыжая. И говорит странно: - Здравствуйте, товарищ продавец! - Надевает желтые очки и повторяет: - Здравствуйте, товарищ продавец!.. - У Любы холодеет язык и начинается нервный жар, хотя на улице осень и влажный туманец.

- Здравствуйте! - улыбается Люба.

- Мне взвесьте с килограммчик картошечки и пучок лучку!

- Очень горький! - предостерегает сутулого старца Люба.

- Я и сам не сладкий! - отпихивает ее горбун.

Люба ловко бросает на весы картошку, а потом пытается ссыпать ее в сумку, подставленную стариком, но пегий возражает: - Минуточку, минуточку, товарищ продавец, минуточку! - Старик пристально просверливает горячим зрачком-буравчиком продавщицу: - Пятьдесят граммов взвесьте отдельно, товарищ продавец! - У Любы подрагивают руки и подламываются колени - взвешивает ровно пятьдесят граммов, картофелинку...

- Отложите ее на прилавок, товарищ продавец! - командует дед. И просит килограмм сыра. Люба ищет круг сыра, а вместо сыра ей чудится чья-то неприятная лысая голова, отрубленная вроде топором и ночью подброшенная ей, Любе, на склад: мол, доторгуешься, доколупаешься, стервоза!..

Люба наклоняется к сырной голове и берет нож. Нож-то Люба берет, а старик: - Пошевеливайтесь, товарищ продавец, я тоже вам не из пивной, я занятый гражданин, не тяните время! - Любе впервые неуютно за прилавком, таким знакомым и дорогим, неуютно и страшно.

Она чего-то боится, а чего - не поймет пока. А старик налегает и налегает. Взвесила, отхватив от лысой головы килограмм, а дед сурово: - Товарищ продавец, взвесьте пятьдесят семь граммов отдельно! - Люба вконец растерялась и даже простудно фыркнула носиком, не от испуга, не от гнева, а от внезапной ангины, ужалившей Любу в самую ноздрю, чих простудный приблизился - дела ее, значит, плохи: как ревизор - так нервный тик начинается у Любы или же - аллергия, что случается у ее подруги, Зины, при тряске половиков, ковров и занавесок - сомалийская аллергия: сухая и свирепая, подлее русского тика и ангины...

Отложила пятьдесят семь граммов сыру на прилавке, еле, еле взвесив: куриная как бы слепота настигла и застала ее - могила. А пегий просит килограмм коровьего масла. Люба, переборов разруху в теле и в душе, плюнула черпак, точно - килограмм, а пегий: - Взвесьте теперь отсюда ровно сорок четыре грамма, если у вас нет специальных весов, позор, сорок четыре грамма, прошу, товарищ продавец!

Ложкою, ножом, вилочкой Люба наложила на листочек белой бумаги сорок четыре грамма и нервно опустила на прилавок. А свирепый старик распрямил сутулость да как гаркнет: - И килограмм сахара, товарищ продавец! - У Любы уркнуло в животе, но проворные руки не подвели хозяйку: раз - и килограмм сахара готов, а старик: - Тридцать пять граммов изымите, товарищ продавец, и присоедините их к тем! - показал кивком лошадиным на прилавок. Люба, уже не чувствуя себя, не ощущая конечностей своих, изымает, взвешивает ровно тридцать пять граммов сахара и присоединяет к горсточке продуктов, изъятых ранее из килограммовых заказов.

- Килограмм колбасы! - приказывает дед. И Люба, оглядываясь и зовя, на всякий непредсказуемый случай, мужа, Саню, здорового кобеля, отирающегося за стеною прилавка, вечно жующего и чавкающего, тоскующего от безделья болвана, но при галстукке, мордастый лентяй. А дед: - И отделить требую, товарищ продавец, шестьдесят граммов, отделить!

Люба кое-что поняла, догадалась, к чему и куда клонит и уведет ее, порядочную женщину и честную продавщицу, этот, мало кому известный проходимец, поняла, вспомнила и пуще, чем при первых минутах встречи с этим гнусным лешим, с этим, поди, членом КПРФ, запотела, и в животе у нее, как в американском магнитофоне, плавно зашелестела лента: странная мелодия зазвучала, ритмически сродни популярному шлягеру "Джон, не уезжай, не оставляй меня наедине с чертом!"

Люба еще оглянулась по сторонам и немножко вскрикнула, прижмутив чуть-чуть голубые ясные глазки. Вскрикнула и подсматривает: какотреагирует пегий? А пегий - ждет шестьдесят граммов. Взвесила, и почти рухнула за прилавок, щелкая натренированным языком и томясь преступно-политической ситуацией. Прибежал Саня, опрыснул ее водой и грозно топнул на пегого: - Ну, ускребывай отсель, хрен изогнутый!

Но старик будто не слышал. Еще суровой гымкнул верхней губою, подтолкнулся к прилавку потеснее и как взвизгнет: - Вешайте, то есть, подайте сейчас же ведро сметаны, товарищ продавец, ведро, обязываю, ведро!..

Люба окончательно разоблачила хитреца и провокатора. Обхватив ладонями и поддерживая свой музыкальный живот, скакнула из-за прилавка. Но жуткий нелюдской голос железно осадил ее. В голосе столько гремело гнева и воли, столько горело знамен и осуждения, Любе казалось - трескается под нею, как в горах Таджикистана, земля, и она проваливается в пылающую бездну экономического пространства СНГ.

Проваливается, а там, в пылающей бездне, Саня - нетверезо помахивает ей грязным пальцем: "Дура ты, дура, со старым идиотом договориться не сумела, меня губишь и сама свечою испепеляешься!"

Люба закачалась, вернувшись на истошный голос пегого дьявола, у прилавка, закачалась и поставила перед пегим орангутаном цинковое ведро сметаны, правда, не сегодняшней, а недельной, свежей, можно сказать, другие-то недельную сметану годами не видят - более пожилая сметана сойдет, где взять такую-то, недельную сметану, всем, где? Поставила, а дед: - Влейте в нее три бутылки кефира!

Люба, краснея, давление, гипертония мгновенно зацапала ее, - вылила в сметану три бутылки кефира. Вылила, а седопегий старик, вскинув пегоседую голову, принуждает ее, уже голосом покойника, жутким и неодолимым: - Товарищ продавец, вы должны все теперь съесть, излишки, отобранные вами у трудящихся, съесть, включая ведро сметаны!

И, сволочь, прицыкнул: - Двадцать минут даю на процедуру! - И вытаскивает из аккуратно проглаженных брюк старинные часы, марки "Хуан-бу", китайские, точные,

вытаскивает и: - Начинай!..- Люба пятится, а какая-то партийная сила поворачивает ее к изъятым продуктам и наклоняет мордой к ведру. Пятится, а какая-то социалистическая революционная сила поворачивает ее к продуктам и намеревается окунуть ее мордой в сметанное ведро. Как ей быть?

На шум липнет народ. Появляются знакомые, вникают в магазинное событие и разевают рты. Саня, замечает Люба, из роскошного русского мужика превратился в телеэкранный Володю Познера и засеменяет, засеменяет с микрофоном, цепенея и загадочно задумываясь, за спиной супруги. Да и Люба в себе самой перемены обнаружила: не на инструктора райкома КПСС, теперь, не на стройную преподавательницу вуза или балета похожа она, а на банальную нахальную торговку, воровку, с глазами, подернутыми коммерческим туманом и перестроечной лукавостью: - Где, - вскрикнула Люба, - мои голубые очи? - И, делать нечего, быстро, быстро перемолотила крепкими молодыми зубами изъятые на прилавок продукты. Перемолотила и затаилась: вдруг старик-то забудет про кефирную сметану?..

Люба замедлилась и напряглась. А пегий колонист наклонился над прилавком, да как залает из могилы, из ада, а, может, и с оппозиционных высот, с памятника Владимиру Ильичу Ленину, откуда ей, простой воровке, знать, как залает: - Не губите свежую сметану, ешьте, пока она не прокисла!

Сутулый, дряхлый, нищий, а в отутюженных сереньких брюках и в серенькой отутюженной курточке, серенькие полуботинки и серенький галстучек при серенькой выстиранной и отутюженной сорочке - муравей, сродственный Володе Познеру, забежал, забежал по магазину: - Ешьте сметану, кому говорю, ешьте сметану, иначе я трудящихся позову и акт общественный составлю!

Люба налегает и налегает... Саня на помощь явился. Люба, около ведра с левой стороны, а Саня около ведра с правой стороны, и оба налегают. Стыдно, а кушать необходимо. Пегий леший, зараза советская, бегаёт по магазину, как муравей по жареной огромной сковородке или Володя Познер по сцене, и орет: - Ешьте сметану!.. Ешьте сметану!.. Ешьте сметану!..

Видит Люба в боку ведра, который она лизала, Санино собачье отражение сверкнуло: "Помоги, Господи!" - скрытно взмолилась дама. Взмолилась и вспомнила себя босоногой девочкой, деревенской наивной простушкой. Дождик закосолапит по улице, а Любашка,

крохотулечка светлая, с хворостинкой, за ним. Саню, отраженного в боку ведра, вспомнила, давнего, давнего, монтера, нежного и мускулистого: на свадьбе он рядом с Любой сидит, работающий и веселый. А тут - бок ведра лижет, трус и ханыга, штатный выпивоха, прилавочный зверь и дармоед. Да, две стороны, правая и левая, у медали, две!..

А дед прикинулся огненным драконом. Бьет раскаленным хвостом по прилавку и деньгами сорит: - Ешьте сметану кефирную, а я заплачу и вас проучу! - У Любы носик в грубой нашей сметане, а ведь симпатичный, французенкин носик!.. А у Сани морда полностью выважена в сметану и спиртным кефиром пахнет. Грустно и недостойно им перед москвичами, обывателями соседними. В столице-то без них жулья - целые массы и коммунисты с митинга на митинг перекочевывают, ая-й!..

Вспомнила Люба мать, знаменитую продавщицу, возле Черемушкинского рынка погибшую вместе с другом в автокатастрофе. Мать за рулем собственной "Волги" перекресток не заметила и врезалась в грузовик. У Любы не "Волга" пока, но "Жигули" есть. И друг есть - чемпион, снайпер, не сравнить его с пузатым Саней. Мать толстела и Люба толстеет. Исподволь. И Саня толстеет. А снайпер - изящный и не скупой: вещь понравилась - не жмет. Угощает и обнимает Любу. А толстый Саня, муж, издевается над Любой, монтер вонючий:

Ты в мать, и этому ты рада:

Задев браслетиком весы,

На рубль обставила ты брата

На килограмме колбасы.

И твой поклонник - марафонец,

Его не победил никто,

Переплатил тебе червонец

За очень модное пальто.

Перед глазами васьки, фроськи

Мелькают за торговой тьмой,

Когда пузатые авоськи

Ты, толстая, несешь домой.

Но толще мать и благородней,

Ты, в общем-то, щенок при ней.

Она, хитрее и народней,

Обжуливала нас умней.

И не насмелилась обвесить

На рубль, тут риск довольно лих.

Копейку с каждого, по десять -

Через двоих, через троих!..

А ты не знаешь укорота,

Стучишь браслетиком, постой.

Во всем стабильность и порода

Нужна, а не эффект пустой!..

Это - в поселке Заветы Ильича, а в Москве - почти не балуются подобными фокусами: в Москве воры капризные и широкоохватные, мультимиллиардерные господа.

И вспомнила Люба, как юная она и не жадная, а щедрая и песенная, впервые встала за прилавок. Она улыбнется - ей улыбнутся. Она ласково ответит - ее ласково поблагодарят. И Саня возле нее не торчал, не ревновал, подозревая, а тянул провода по лужниковской линии электрических мачт, светом от Сани веяло, а сейчас?..

Вспомнила Люба и снайпера. Продается: тот от "Промбанка" бежит в команде, то от "Газпрома" соревнуется. Теперь - в личной охране Гайдара подскакивает, богатей!.. А кому Гайдар нужен? Его, крысолова плешивого, никто и убить не захочет. Тьфу. А тоже, как ее Саша, монтер, стихи, говорят, но не девкам, не жене, а Брежневу сочинял. Чирей ельцинский. Паразит.

Вспомнила Люба и нехорошее: генетическое воровство и наследственный обман вспомнила. Сердце ее затосковало по справедливой порядочности и заболело. Вспомнила Люба и счетовода из артели инвалидов "Витязи России", Иону Ионовича Скрипова, контролера и коллективиста, защитника бедных и калек, выстругивающих дорогие гробы в артели для отстреливаемых бизнесменов. Предупреждал он Любу: "Не воруйте, товарищ продавец, в молодости, будете завидно замечательны в старости!".. А не воровать - нищенствовать?

Люба вкусно потянулась и, потрясенная, проснулась в каменном просторном особняке. У плеча ее дышал армянским коньяком противный Саня, сожрал несколько зеленых пучков, менеджер, а на неубранном столе в роскошных английских тарелках спали байкальские омули, подзапеченные на вологодской утренней тающей сметане, которую

не в цинковых ведрах, а в голубых, как глаза у Любы, стеклянных флягах уносят составы по международным голубым рельсам.

И куда все идет?..

1993